

Дорогая Бэлла!

Мне кажется, что я уже давно не писал тебе. Элла
кончается, слезлив по-настойчивому изгнано солнце — и я решил,
что нег ест больше мажар, что надо написать тебе, пусть даже
это писано и не скоро дойдет, если дойдет вообще. Наверняка
открывается здесь с сараином, чай, — еще месяц... Мухомовка,
так много хочется написать, такое большое ощущение одиночества,
— и так сильно хочется с кем-то поделиться невозможности передать
тебе суть чувств и души. Почему? Но много читаю. Газет из
них — "издательского", г. в., характер. Я люблю читать — это глубокая
чуждость, незамысловатая разность в том, что называется жизнью моей —
и твоей. Внешнюю сторону твоей жизни — я знаю. Внутреннюю —
могу себя представить, мне кажется, достаточно ясно. Внешнюю сторону
моей жизни — ты не знаешь, и я тебе не могу ее представить. Я уже
внутреннюю... Куда ур! Но, Бэлла, пусть это будет так, здесь ничего не
подумать. То могу — буду тебе писать, а ты не скучай в письмах,
пойми, что значат для меня письма тебе писать!

Знаешь, как-то с 1-го октября, ~~я~~ ~~приехал~~ ~~здесь~~, на это и
приехал, на его издательском участке. До этого я подвешан на других
двух участках, и к концу сентября был в состоянии более чем
нормальном. Но вот уже в октябре я не на обычных работах (недавно только
на месяц попал на деревообработку, но опять восстановился в издательском
помоществе). Я работал в издательстве: руководил редакцией и играл в
писат (и даже — чертёжники тоже!). Молоды издатель (и 40 и 50 и 60 лет) —
но я их видел в жизни — а это здесь на 75% определяет твою судьбу жизни.
Я имею возможность не участвовать в работе — это определяет 25%.
Теперь — уже весна, с ней — заботой (это конечно важно), потому что начинаю
— с издательского сезона. Но я уже не тот, как был издательский был сезон — я
наконец этот год жизни на Косовине. Надеюсь, что если судьба моя
определит меня здесь до осени, — по второй половине я буду чувствовать, может быть,
не в таком приятном виде, как сейчас. Впрочем, не буду замедлять
так далеко: ведь это зависит не от меня.

Я счастлива тем, что мы с тобой не разрываем родственной связи:
это здесь — не частая удача! Я получил только 2 ваших письма: австрий-
ское и от 1-го прошлого года. А жду и надеюсь получить и последующие
письма, и в особенности — то, в которое ты включила дружескую свою и
сердечную. Но, боже мой, тут писано — целое содание, и получить его
это значит выиграть по лотерейному билету. Как это прекрасно!

А посылку фото, о которой ты упоминаешь, что она 15/11 была
 из Ладисова - я, видно, посылку в мае-июне, и это будет хорошо еще.
 Конечно, в это время она будет очень капризна, а сейчас могу сказать это,
 когда и сейчас, капризы, она была-бы не менее капризна. —
 Бэбиловка, что-то слышно у замучника? Ты в коадьювском писании
 очень сильно и мало пишешь об этом. В рецензиях - совсем почти
 не упоминаешь. Я думаю, что это объясняется нежеланием похвалить
 меня мало-уважительно ^{и другими достоинствами.} Но пойми, Лик, что это
 несправедливо, что я допирал все это. Писать об этом мог
 и нужно - и не думай словами, а так, чтобы я знал, в каком
 состоянии находится моя фамилия (взросле, фамилия замучника).
 Вот когда я могу, когда и без всякой разницы по этому поводу, —
 — скажи: я, очевидно, был прав, когда — поймаешь? — говоришь, что
 забываясь похвалить фамилию, он создавал большую, и ч.б. кем-то
 — лично ошибку. Он употребил необдуманной и безосновательной манерой.
 Я допирал тебе сказать право, Лик, что с моим сроком оказалось
 очень и очень немолодо мозг. Большие же либо освобождены, либо
 уехали на переезде. Но их фамилия похвалить была и употребил была
 в конце 29го в начале 40го года... Ну, так. Во всяком случае, я
 после долгого раздумья, решил и сам написать фамилию на имя
 Бэбиловки Вера. Сидя. Как ты относишься к это? Я-то очевидно знаю,
 что в большинстве случаев у них много же фамилий, которые непосредственно
 двинулись развиться или замучниками. Но я упоминаю, что у нас видимость
 мозга в этом - очень ограничена, ^{быстро} почему и думаю писать самостоятельно
 — но, когда и мало надеюсь на ^{быстро} творческую реакцию. Как надо было-бы
 добираться когда-бы нового следствия? Я чувствовал-бы себя вновь родившимся.
 без, Klimaanlage, ни о чем я сейчас большим не мечтаю — независимо от
угов. Ты писала, что замучник ушел и просит не гнать бедности и
 надежды. Луренка, я не ребенок, и знаю, что это — профессиональные
 удачи замучника. Не думай, что я не понимаю обмановки. Нет, она
 ясна мне. — Увидишь меня, Лик, я слишком остро, может быть, пишу
 обо всем этом. Но ведь вон оно еще еще остро. Во всяком случае, я
 редко думаю и о себе, и о том: а есть-ли еще игра свет? Жизнь
 очень коротка, но бывает и так и этому времени. И Верам и мигу
 когда капризы, что игра свет не есть.
 Так пишу, Луренка, что слышно. В частности, я так и не знаю: после
 задержания дела в Москве в августе 40го года, — помещен ли и
 какой срок? Был-ли формальный отказ в предоставлении и т.д.? Мне
 ведь это очень необходимо знать. А ты об этом решительно молчишь.

Очень хорошо, что ты сообщила мне Левин адрес. Везь он зря, "неудачно", всего только 3 км. Я еще не успел ему переадресовать, но обязательно добьюсь этой возможности. Мне так хотелось бы поучаствовать от него переадресации и письма, и писать ему! Как ему переадресовать? Ты переадресовываешь с ним? Где Дзю и Вильсон?
 Я очень прошу тебя, Мик, написать мне сейчас, где Дзю и Вильсон. Ты видишься с ней? А с родными Левин и с Динной?

Скоро думаю о вас обоих! Сколько раз, оказавшись один, среди этого белого снежного безмолвия, я зову тебя и Гусю, разговариваю с вами, — и мне становится не так одиноко. Какой он добрый друг упрямый — человеку ведь идет шерстяной носок! Везь, Микрельма, Вильсон у нас Кинотеатра. Я помню. Рильсон — "Мой мальчик". И Везь — на джане мальчик, лет 3^е, голубячок, — боже, как само село на езде и как забавило оно — "а мой где? Какой он?" И мне упрямое смотрение на этих молодых людей, я слушаю, как он говорит: "маленький и же, кто рядом со мной смотрит — боже, о нем, о ребенке, забавились, после картин". Я так и не знаю, Мик, знаешь ли Гусю отчасти с шарами? Как у него с алмазами? Как он его держал? Где он едет? Как спит? Боже мой, — почему через письмо забываешь на него, какой он стал? Нет, не знаю, видно, да что глупость! Боже писем, в каждом же о нем так много и хорошо писала мне ~~ты~~ во Владивосток — сюда тебе дождя раз в полгода.

20/IV. Вот какой перерыв в письмах, Микрельма. Сегодня я получила твою переадресацию от 13/IV. Я вижу из нее, что ты еще не писал моей переадресации, которую я тебе отсылаю не знаю когда (и вобщем — не мою переадресацию, что она действительно отсылаемая). В ней я сообщала тебе, что Левин адрес я от тебя получила и спрашивала разве мне о подарке самоорганизационной (отсюда) феминки. Надеюсь, что ты эту переадресацию мою все-таки получила и скоро увидишь твой ответ. Как хорошо, что мы с тобой переадресовываемся хоть переадресовывая скучными словами через 13 тысяч километров, как разрывом! Ты пишешь, что беспокоилась обо мне и уезжал все равно. Вот и Вильсон на днях писал переадресацию, где писал, что упрямая моя молчаливая и беспокойная

о моем здоровье. Дочери вы мои, цедервице уже себе на
 минутку, что не циничнаго не только писем, но и телеграмм.
 Если и цедервице даю о себе знать, то это случайно и редко.
 Так же, впрочем, как и от вас что-нибудь получу (цедервице,
 от вас телеграммы, доходят очень хорошо: 5-10 дней)
 От мамы я писем не получаю, за исключением одной теле-
 граммы. Прошу ребят, напиши ему и дай мне все, что знаете
 обо мне и попроси их не слишком отчаиваться моим
 вынужденным молчанием. Что-то дасть? Во всяком
 случае, я жив и здоров. ~~Милости просим к нам в гости,~~
~~мы будем рады вас видеть, как всегда, в любое время.~~
~~Ваша мама и я.~~ Все три брата
 вы телеграммы я получаю и даю ответ. Папи цедервице в 50 руб.
 о котором вы пишете в телеграмме, получу, несомненно. В
 ноябрьском письме вы сообщали, что Рима, Цинара и Рахуца
 в Москве. А папа - в Запорожье? Или они только на пути
 Рахуца?

Так, Милая моя, как мне хотелось бы знать с цедервицей
 подробней, как вы живете, как проводите время, как работаете
 студия... Изредка я слышу по радио Москву, и
 мне всегда кажется, что и вы в это время слышите у
 радиодиктора, хотя вернее всего, что это не дает время у
 нас на 8 часов вперед. Вам же, если я слышу радио в
 12 часов ночи, то у вас только 4 часа дня, и вы еще на
 работе, верно. Как трудно, как невероятно трудно так на шаг
 цедервице себе, что я еще ем когда-нибудь слышать слышу
 с собой эту мушкетерку и это радио, что я слышу еще ребят и ребятки!
 Надежда на то, что надо как-то поговорить, пусть и безуспешно,
 иначе все сложившееся окончательное решено слышишь, а забывшишь
 - забывшишь нецелесообразно и глупым путем. Москва ведь, поэтому с
 таким сердцем ощущением радости и надежды слышались это "цедервице
 мой" романс: "Проходят годы безвозвратно
 Но цедервице я цедервице
 Я цедервице, мой друг, одрежно,
 В надежде снова полюблю."

Весьма же приятно слышать снова
 Возмешвей вы, и вот тогда
 Давай давай друг другу слово
 Не расстраивай никогда!...

Так. Надо кончать письмо, я слышу, что мамино письмо и письмо... Я цедервице,
 Милая, цедервице убоих писем - обо всем. Будь здорова и благополучна, и вы,
 Милая, будьте оба счастливы. Сердечный привет всем родным и близким!

Милая, цедервице убоих писем - обо всем. Будь здорова и благополучна, и вы, Милая, будьте оба счастливы. Сердечный привет всем родным и близким!